

4
русс

Восстания в Словении в контексте европейского кризиса: Марибор как периферия в период с 1998 по 2012 год

Гал Кирн

Берлинский университет имени Гумбольдта

Восстания в Словении в контексте европейского кризиса: Марибор как периферия в период с 1998 по 2012 год¹

Аннотация

В настоящей статье недавние социальные восстания в Мариборе рассматриваются как политическая артикуляция периферии в локальном словенском и более широком европейском контексте. Случай Марибора представляет особый интерес для любого исследователя, которого интересует обнаружение различных темпоральностей в процессе «транзита». Марибор ассоциируется не только с провалившейся капиталистической деиндустриализацией, но и с провалившейся социалистической индустриализацией, площадкой для которой этот город стал 25 лет назад. Данная

¹ Данная статья представляет собой обновленный синтез двух других работ, скорее журналистских по своему жанру: Gal Kirn, «A ghost is haunting Slovenia, the ghost of revolution!», 16 февраля, 2013. <http://www.newsocialist.org/679-a-ghost-is-haunting-slovenia-the-ghost-of-revolution> и Gal Kirn, «Contours of urban revolt in Maribor», Occupied London, 24 октября, 2013, <http://www.occupiedlondon.org/on-contours-of-urban-revolts-in-maribor/>.

работа рассматривает преемственность — и разрывы в преемственности — в положении Марибора как привилегированной площадки народного сопротивления, а также, на более теоретическом уровне, представляет, как разворачивается политика диссенсуса. Автор обращается к концепции «народа» Жака Рансьера как к наиболее подходящему термину, способному передать специфику самой недавней борьбы. Также внимание уделяется вопросу «периферии» как площадки, обладающей огромным значением для современного политического воображения и экспериментирования.

Ключевые слова:

восстание, Жак Рансьер, избыточное население, индустриализация, народ

Введение

Многие исторические и современные аналитические работы по вопросу переходного периода («транзита») в Словении игнорируют релевантность Марибора как центральной площадки массового сопротивления. Мы считаем, что причина этого не только в том, что такая ситуация характерна для любого централизованного контекста (центром государства является Любляна) и транзитологического дискурса, исключющего специфику периферии, но и того (и это следует особо отметить), что Марибор стал историческим знаком, вскрыл особенно горькую правду своей эпохи, которую слишком больно признать. Таким образом, я сравниваю массовые протесты рабочих 1988 года, преданные забвению в политическом воображении постсоциализма, с социальными восстаниями 2012 года. Если 1988 год стал годом трагического объявления начала конца социалистической Югославии, то можем ли мы сказать, что в 2012 году повторилась история радикальной политики, которая на этот раз открылась чему-то новому в контексте более широкого, европейского кризиса?

В первую очередь мы представим политико-экономические контуры югославского кризиса социалистической индустриализации и более недавней политики жесткой экономии, проводящейся в европейском контексте. Во-вторых, мы будем утверждать, что, несмотря на важность политико-экономического анализа ситуации, восстания должны быть концептуализированы как таковые, в смысле рансьеровской политики диссенсуса. Само по себе восстание не может быть предсказано и скорее указывает нам на свою случайную природу, которую невозможно свести к набору объективных усло-

вий. Более конкретно, мы развиваем несколько тезисов по вопросу операционализируемости такой концепции, как «народ». Использование ее кажется нам более обоснованным, чем обращение к тропу стихийности масс, «страху масс» или чем преждевременные попытки изобразить восстание как движение с четкой повесткой, направленной на критику государственного аппарата.

Мифологизация и демифологизация Словении как примера успешного транзита

Поздние 80-е представляют собой один из пиковых моментов в недавней словенской истории, который часто называют «весной демократии». Тоталитарная зима сменилась расцветом демократического гражданского общества, состоявшего из множественных культурных и политических организаций: от защитников окружающей среды, борцов за мир, за права геев, лесбиянок, феминистских активистов, активистов субкультурных инициатив, радикальных арт-групп и диссидентов до реформистских и либеральных течений в Лиге социалистической молодежи и даже официальной Лиге коммунистов Словении. Процесс демократизации достиг своего пика после того, как социалистическое политическое руководство задержало и отдало под военный суд четырех активистов (впоследствии названных героями, особенно Янеза Янша) за разглашение государственной тайны в связи с потенциальной угрозой военной интервенции в Словению. Так называемое «дело JBTZ» вызвало волну общественного негодования; общественные движения с невероятной скоростью распространялись по стране, массовые протесты проводились на центральной площади города Любляны (Žerdin 1997). В процесс демократизации были вовлечены радикально отличающиеся друг от друга группы с крайне неоднородной потенциальной повесткой², и, в конце концов, изначальный демократический энту-

² Существует ряд крайне неоднородных рассказов о 1980-х: анализ, проведенный представителями реформировавшейся коммунистической элиты, анализ, сделанный с более культурной диссидентской точки зрения, анализ со стороны либералов (Balažič 2004), а также историческое исследование Божо Репе (Božo Rere). Упомянем и другие попытки описания событий, например, работу Власти Ялушич с феминистской перспективы (Jalušič 2002), или Томажа Мастнака с леволиберальной (Mastnak 1987). Я постарался привести «панорамный» взгляд на обилие нарративов и совершил попытку реконструировать альтернативный взгляд (социального движения), принимая во внимание точку зрения мейнстримных идеологий независимости, а именно правых консерваторов (католической церкви и диссидентов) и реформистской коммунистической позиции (бывшего правящего класса, Лиги Коммунистов Словении).

зиазм был гегемонизирован националистическим проектом. Особенно активно переплавлял свою теоретико-идеологическую программу в политические требования кружок правых интеллектуалов, связанных с журналом *Nova Revija*³: говоря коротко, «за независимость Словении». Национальное государство превратилось в ключевой политической субъект, *sine qua non* существования и единственного возможного будущего словенской национальной государственности (*nationhood*). Помимо телеологического национального движения пришли также и более поэтические чаяния и мечты, связанные с якобы тысячелетним ожиданием такого момента. В политической реальности основание нового государства определялось *per negationem* по отношению к многонациональной федеративной Югославии. В то же время оно одобряло безопасный курс на постсоциалистический переход к капиталистическому способу производства. К счастью, благодаря словенской геополитической позиции — на границе с Западной Европой, — а также тому, что Словения являлась наиболее этнически гомогенной страной в составе Югославии, война не началась, за исключением десяти дней противостояния летом 1991 года. Более того, благодаря сильным экономическим связям Словении со своими ближайшими соседями, государственная экономика могла без каких-либо трагических потерь перенаправить и укрепить торговлю с западными рынками.

В течение первой половины 1990-х в пост-югославском регионе бушевала война, в то время как в Словении установились условия, необходимые для «истории успеха». После горячих дебатов и раскола в первом демократическом правительстве (DEMOS) новый политический класс вынес решение в пользу постепенного транзита к капитализму (социал-демократическому, приватизированному акционерами социальному капиталу), в то время как неолиберальная модель шоковой терапии была отложена (Mencinger 1994). Несмотря на временное поражение неолиберальной идеологии, процесс перехода все же означал внедрение частной собственности, что в первую очередь предполагало лишение собственности и передачу всей общественной собственности и собственности, подлежащей автономному самоуправлению. Экономическая политика была ошибочно названа «денационализацией». В крупных масштабах

³ 57 выпуск газеты *Nova Revija* в 1987 году по сути представлял собой словенскую национальную программу. Этот национальный меморандум, был написан в тот же момент, что и националистический аналог в Сербии, а именно Меморандум Академии наук и искусств Сербии. Больше информации об интеллектуальной истории и росте национализма, см. выдающееся исследование Драговиц-Соссо (Dragović-Sosso 2002), а также исследование Вахтеля, фокусирующееся на медийной и литературной истории (Wachtel 2002).

недвижимость и леса (земля) были возвращены Католической церкви, бывшим аристократическим и богатым семьям, в то время как простым гражданам были выданы «сертификаты». Правительство сделало подсчет примерного количества «социальных» акций в общем объеме социальной собственности, и, в качестве следующего шага, предложило каждому гражданину инвестировать в экономику, т. е. в различные компании, выходящие на биржу. Большинство крупнейших компаний были не «денационализированы», а «десоциализированы», т. е. они на самом деле остались в руках государства: в реальности они были «национализированы»⁴. В этот период появилась новая экономическая элита (магнаты), имеющая тесные связи с новым политическим классом. Этот класс в той или иной мере достиг успеха в ведении крупного бизнеса до вступления страны в Евросоюз. Государство, таким образом, оставило за собой частичный контроль за национальной экономикой в течение более чем десятилетия после обретения независимости. Также медленная (как минимум в относительном плане) дерегуляция функций социального государства означала, что в центре Словении отсутствовала вопиющая классовая стратификация; так называемые средние классы жили в относительно благоприятном экономическом состоянии и даже улучшили свои материальное положение. Именно здесь родилась «история успеха» под названием «Словения как Швейцария Балкан». Правящий класс провозгласил эту историческую миссию после вступления и в НАТО, и в ЕС в середине 2000-х с помощью пропагандистского лозунга «В Европе — дома, в НАТО — в безопасности».

Однако с историческим вступлением в Святое Семейство Евросоюза и уходом с темных Балкан⁵ герои истории успеха постепенно стали вступать на путь разочарования. Второй раунд приватизации подразумевал не только продажу и перепродажу государственных корпораций, но также и более радикальный демонтаж социального государства, что привело к повышению уровня бедности, безработицы, классовой стратификации, исключенности маргинализированных групп, а также других трендов, обычно сопровождающих неолиберальную политику⁶. Стабильная репутация словенской

⁴ Я писал об этом необычном процессе «приватизации» в другой своей работе (Kirn 2011).

⁵ Растко Мочник (Močnik 1999) показал, как эксклюзивная альтернатива «Европа — или Балканы» основывалась на расистском культуралистском различении Запада (прогресс) и Востока (регресс и война) и являлось связующей идеологией целого правящего класса.

⁶ Для социо-экономического анализа со статистическими данными см. работу Растко Мочника (Močnik 2003).

истории успеха была запятнана как на домашней, так и на международной арене в конце 2012 года, когда по всей стране прокатились массовые акции протеста. Социальное беспокойство началось в ноябре 2012 года во втором по размеру городе страны, Мариборе. Но перед тем, как мы рассмотрим специфику самых последних событий, нам бы хотелось рассмотреть исторический контекст, в котором Марибор сыграл исключительную роль уже в момент дезинтеграции социалистической Югославии. Это событие в основном забыто современным политическим анализом и доминирующей историографией, так как оно не вписывается в «транзитную» историю успеха.

Марибор в 1988 году: возвращение фигуры индустриального рабочего класса⁷

Марибор — второй по величине город Словении с населением около 100 тысяч жителей. Город стал одним из наиболее успешных промышленных центров в социалистической Югославии и подвергался значительной урбанизации начиная с 1950-х. Он колоссально вырос как город вследствие интенсивной аккумуляции капитала в трех промышленных отраслях, ставших приоритетными: тяжелое машиностроение (разработка кранов Metalna, литейное производство Марибора, производство автомобилей и грузовиков), ТАМ, текстильная (МТТ) и электрометаллическая индустрия (Elektrokovina). Индустриальный рост и внутренняя динамика югославской экономики (например, сравнительное отставание определенных регионов в экономическом развитии) (см.: Kirn 1984) привлекала рабочую силу из других югославских республик в Марибор. В течение 60-х были произведены дополнительные инновации в косметической (Zlatorog) и строительной (строительство домов, Marles) отраслях. Андрея Славец (Andreja Slavec), одна из ведущих исследовательниц истории мариборской индустриализации, утверждает (и мы с этим согласны), что Марибор являлся бенефициаром рыночных реформ 1965 года (Slavec 1992)⁸. Рыночная реформа была разработана таким образом, чтобы передать политическую власть на микроуровень, т. е. в руки к рабочим, социальным и социалистическим предприятиям.

⁷ Этот раздел представляет собой панорамный сводный обзор десятилетия социальной индустриализации (Slavec 1992).

⁸ Марибор является бенефициаром рыночных реформ, однако следует отметить и негативные последствия рыночных реформ, которые привели к усилению соревнования между социалистическими предприятиями, повешению уровня структурного неравенства между центром и периферией в Югославии, а также к интенсификации эксплуатации рабочей силы (см.: Kirn 2012: 241–319).

В рамках реформы было установлено большее количество рыночных критериев экономической рациональности. Обещание улучшенных условий для самоуправления рабочих в реальности по большей части вылилось в доминирование управленцами-менеджерами над рабочими на предприятиях. Вновь возникшие менее формальные сети политэкономической власти состояли из технократов, ведущих кадров новых (коммерческих) банков и муниципальных властей. С одной стороны, рыночная реформа принесла структурные неприятности более бедным регионам и поспособствовала надвигающейся дезинтеграции Югославии. С другой же стороны, Марибор стал одним из регионов, выигравших от данного процесса и добившихся успеха в дальнейшем усилении независимых капиталов, конкурировавших друг с другом на рынке и вступавших в соглашения с иностранным капиталом (например, с немецким концерном Henkel). Именно в этих условиях в Мариборе появился запрос на создание университета, который был основан в 1975 году. Открытие высшего учебного заведения в Мариборе отвечало «фордистской» экономической потребности⁹ в образовании для новых кадров в условиях стремительно развивающейся и растущей промышленности. Возможность существования университета была обеспечена инвестированием в образование со стороны самой промышленности. Городской пейзаж Марибора, с его социальным жильем, заводами и прочей «индустриальной» инфраструктурой, зародился именно в те времена¹⁰.

Проект социалистической индустриализации закончился в конце 80-х, когда Югославия пережила крупномасштабный кризис. Повышающаяся инфляция, растущая безработица, интенсифицирующаяся эксплуатация (больше работы за меньшие деньги) и меньший объем финансирования для улучшения оборудования и расширения производства поспособствовали распространению в обществе чувства социальной незащищенности (Woodward 1995a). Внутренние конфликты между республиканскими элитами были усугублены тя-

⁹ В данном процессе можно обнаружить (прото)пост-фордистское изменение, возникшее одновременно с такими процессами, как рост важности технократии (менеджмента) и повышением стратегической важности знания для (новых) индустрий. Даже финансирование Университета начало происходить при помощи самоуправляющихся групп интересов (в основном — крупных предприятий). О рыночных тенденциях при социализме также см. работу Бокмана (Bockman 2011).

¹⁰ В наши дни он живет в памяти старших поколений, а также в новых промышленных руинах (заброшенных заводах). (См.: Spomenik Mariborski industriji — Industrijski Maribor v 20. stoletju, <http://www.muzejno-mb.si/novo/spomenik-mariborski-industriji.html>).

желыми мерами жесткой экономии от МВФ, т. е. мерами, которые Югославии приходилось вводить, если она желала рефинансировать свой долг¹¹. Промышленное (вос)производство Марибора оборвалось в 1988 году: на некоторых заводах выплата заработной платы задерживалась на несколько месяцев. В результате в июне 1988 года большая часть работников крупнейшего автомобильного завода ТАМ начала забастовку. Это событие — помимо длившейся в течение месяца забастовки лабинских шахтеров (Kuzmanić 1988) в апреле-мае 1987 года — имело более глубокое символическое значение для Югославии. Во-первых, эта забастовка не носила характер изолированного события, касавшегося работников только одного завода, которые согласились бороться только за свои зарплаты. Внутренняя рабочая оппозиция и забастовки на отдельно взятых заводах и предприятиях превратились в нормальную практику, особенно в 1980-е годы¹². В июне 1988 года ситуация резко изменилась. Как только рабочие ТАМ начали свое шествие по улицам Марибора, рабочие всех других крупных заводов, располагавшихся вдоль улицы, ведущей к центру города, присоединились к ним. Более 10 тысяч рабочих прошествовали по улицам и встретились на Площади революции. В последующие дни рабочие оккупировали железнодорожную станцию и стратегически важные дороги и улицы в Мариборе. Фотографии с этой всеобщей забастовки промышленных рабочих говорили о многом: голубые воротнички (и другие) размахивали флагами Югославии, скандировали коммунистические лозунги, критиковавшие политику жесткой экономии и либеральные пакеты реформ, продвигаемые коммунистическим руководством. Ключевые требования рабочих состояли в оказании давления на «безответственных» заводских управленцев для повышения зарплат или выплаты задолженностей. Давление резко усилилось, когда всеобщая забастовка перешла во вторую неделю: вся промышленная рабочая сила города вылилась на улицы, где изобретала новый тип солидарности, не продвигавшийся официальными каналами Лиги Коммунистов или даже рабочими советами в рамках промышленных предприятий. Рабочая оппозиция добилась успеха в завоевании специфической автономии рабочего класса, указывающей на критическую дистанционированность и от «государства», и от руководства предприятий¹³. Это был редчай-

¹¹ Для более подробной информации по поводу процессов экономии и распада Югославии см. работы Магаша (Magaš 1993) и Вудварда (Woodward 1995b). Оба автора интересуются более широким политэкономическим контекстом распада.

¹² О профсоюзах и стачках в 1980-х см. книгу Горана Мушича (Mušič 2013).

¹³ Как утверждает Томаз Скела (Tomaz Skela), один из организаторов существующего ныне профсоюза, те события обладали невероятно высокой важностью для последующего формирования и усиления профсоюзов.

ший аутентичный случай в истории югославского «самоуправления», когда оно было организовано снизу, и повлекло за собой множественные последствия в долгосрочной перспективе.

В конце концов руководство пошло на некоторые уступки, пообещав рабочей оппозиции выплатить зарплаты в ближайшие сроки и заменить некоторых представителей управленческой структуры. Всеобщая забастовка в Мариборе была успешной, но следует отметить, что в свете распада Югославии это была лишь кратковременная победа. Позвольте нам также привести достаточно показательный пример обувной фабрики «Lilet», события вокруг которой стали примером первого большого поражения работников текстильной промышленности. «Lilet» был первым социалистическим самоуправляющимся предприятием, которое подверглось приватизации уже в 1990 году, т. е. за год до обретения Словенией независимости. Через несколько лет после этого, в 1990-е, фабрика была закрыта. Таким образом, было бы эмпирически корректно рассматривать забастовку рабочих как временную или кратковременную победу, однако мы все же утверждаем, что забастовка была еще более успешной в выражении глубинных тенденций исторического момента. Забастовка достигла, в терминах Гегеля, правды той исторической эпохи, *начала конца социализма*, до того, как это стало структурно возможным благодаря последующим событиям. В идеологическом смысле забастовка более чем 10 тысяч рабочих привела к разочарованию в некогда так прославляемой фигуре (промышленного) рабочего и возвестила историческое поражение социалистической индустриализации и городского развития. Но рабочие требовали не конца социализма: в действительности они заявляли, что социализм отошел в прошлое еще во времена социалистической Югославии, таким образом, фактически выступая с критикой пост-социализма! Более того, несмотря на трагический развал Югославии, политическая артикуляция рабочих не должна быть ретроспективно уравнена с позицией диссидентов, либералов и националистов, призывавших к рыночному капитализму и созданию национального государства (рабочие зачастую репрезентируются как слепые последователи националистических лидеров)¹⁴ — а понята как (ностальгическая) тяга к отошедшей в прошлое приверженности промышленному развитию. Призывы к возврату к социализму приобрели трагичное зву-

¹⁴ Горан Мусич на примере сербских рабочих и их забастовок показывает, что еще в конце 1980-х они не просто приветствовали Милошевича. Намного большую ответственность за рост националистических настроений должны нести, помимо экономического кризиса, политические и культурные бюрократы, начавшие с середины 1980-х показывать силу и писать исторические меморандумы от имени словенской и сербской наций.

чание — и стали невозможны — в конце 1980-х, особенно в свете структурных геополитических сдвигов, поражений «реально существующего социализма» на востоке и реакции столицы на противостояние рабочих эксплуатации. Постсоциалистический переход начался за десятилетие — или даже раньше — до 1991 года¹⁵.

В противовес установившемуся нарративу о словенской истории успешного перехода, периферия Марибора играла роль трагического антигероя в волшебной сказке, которая в действительности никогда не была такой уж и волшебной. Проходившие на периферии Словении переходные процессы отличались особой жесткостью начиная с ранних 1990-х. В течение первой пятилетки дерегуляции и деиндустриализации, длившейся с 1990 по 1995 год, повседневно и городское полотно Марибора претерпели массивные структурные изменения. Большая часть вышеупомянутых прочно устоявшихся промышленных отраслей обанкротились и прекратили существование из-за потери югославского рынка и из-за частичной интеграции в военнопromышленный комплекс Народной Армии Югославии. Несколько выживших предприятий подверглись рационализации и значительно сократили свою экономическую активность, в то время как остальные были за бесценок проданы иностранным компаниям. Уровень безработицы в Мариборе достиг примерно 25 % в начале 1990-х и, что еще хуже, более 70 % безработных попадали в категорию структурно безработных, т. е. долгосрочно безработных. Эту категорию населения Маркс называл «избыточным населением»¹⁶, резервной армией промышленного труда. К ним относятся те, был вытеснен из производства экономической и политической силой (нового) цикла первоначального накопления капитала. Несмотря на это, индустриализация была отправлена на свалку истории как ответ на более раннюю самоорганизацию рабочих, и теперь приближались времена деиндустриализированной армии резервного, вытесненного из производства труда. Но до тех пор «избыточному населению» требовалось сводить концы с концами, для чего они комбинировали две стратегии: выживание в значительной степени зависело от все уменьшающейся социальной помощи государства и неформальных сетей благотворительности (таких как Kari-

¹⁵ В своей диссертации я разбираю вопрос структурных реформ, особенно рыночной реформы 1965 года, которая началась с усилением риторики капитала и отставания некоторых регионов в развитии и привела в конце к эгалитарному и справедливому распределению с одной стороны и к исключению рабочих из самоуправления на предприятиях, с другой (Kirn 2012). Исторический обзор см. в работе Самари (Samary 1988).

¹⁶ См. главу 25 тома I «Капитала» Маркса (http://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/index.htm).

tas и «Красный крест»). Оно также разработало стратегии выживания, выстраивающиеся вокруг неформального натурального хозяйства. В первые годы после 2000, когда уровень безработицы начал падать, а экономическая ситуация «нормализовалась», 30 крупнейших предприятий в своей совокупности обеспечивали рабочими местами меньше работников, чем один завод ТАМ в 1980-е. Несомненно, промышленная инфраструктура деградировала, и потому весь городской пейзаж претерпел радикальную трансформацию. Марибор стал памятником прошлому — как социалистической Югославии, соединившей множество людей со всех уголков страны, так и индустриалистским временам и социо-экономическому процветанию, которые в последний (?) раз придали жизнь фигуре и политике промышленного рабочего класса. Индустриалистский призрак из прошлого вскоре получил себе компаньона — мечту о пост-индустриализованном будущем.

Культурная столица Европы 2012: через двадцать лет после Великого Потопа Марибор мечтает о деиндустриализации

Каждый крупный проект приносит надежду, запускает мечту. Чтобы понять мечту Еврокомиссии, воплощенную в проекте «Культурная Столица Европы» (КСЕ), нет необходимости заниматься герменевтическими исследованиями — можно лишь взглянуть на поверхность, на ее самый верхний уровень: мечта и миссия КСЕ — коммодифицировать культуру и снабдить Европу новой инфраструктурой деиндустриализованных креативных отраслей промышленности. КСЕ пропагандирует туризм в регионе и, более всего остального, работает в качестве реорганизатора креативного потенциала¹⁷. КСЕ якобы стал одним из главных «катализаторов» городской ревитализации, и большая часть взаимосвязанных представителей местных организаций с энтузиазмом подтвердили данный тезис¹⁸. Час Марибора настал, город наконец-то приобрел свой исторический шанс, получив статус культурной столицы Европы (2012), так и молодежной столицы Европы (2013). Ожидание КСЕ и положи-

¹⁷ Этот несколько менее креативный дискурс о креативной индустрии показан в рекламном видео КСЕ и в соответствующем тексте (см.: European Capitals of Culture, 17 января, 2011. http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc413_en.htm).

¹⁸ Палмер опубликовал исследование в 2004 году, которое показало положительные результаты среди большинства респондентов в ряде городов (European Commission, «European Capitals / Cities of Culture», 5 июля, 2013. http://ec.europa.eu/culture/key-documents/european-capitals-of-culture_en.htm, особенно часть II).

тельный опыт Граца в качестве КСЕ¹⁹ подпитывали коллективную мечту о новом Мариборе. Платформа мэра Марибора искала возможности преодоления «периферийной» и маргинальной позиции, занимаемой городом по сравнению с центром, находящимся в Любляне. Местные патриотические прения по плану должны были стихнуть в порыве командного духа, который был бы полезен для регионального развития и оживления Марибора, и вновь смог бы привлечь молодое поколение.

Реальность была иной. Оглядываясь назад, можно сделать вывод, что самая главная миссия КСЕ не была выполнена. Проекту не удалось создать долгосрочных рабочих мест, развить культурную инфраструктуру: крайне мало культурной инфраструктуры осталось в Мариборе по окончании года, в течение которого город носил звание КСЕ²⁰. То, что было разработано с расчетом на развитие локальной и региональной креативной индустрии, по настоящий момент продолжает функционировать на основании самоэксплуатации и волонтерского активизма. Многие «креативные» представители молодежи и их прекрасные проекты были предоставлены самим себе, а в последней инстанции — дисциплине рынка.

КСЕ не предотвратила рост безработицы, которая достигла почти 19 % в конце 2012 года. Однако эта неспособность создать рабочие места не является целиком виной КСЕ или пустого призыва к созданию креативной индустрии, а должна быть рассмотрена в контексте глобального финансового и, более конкретно, европейского экономического и политического кризиса последних лет.

Массовые протесты: перезагрузка. Искра распространяется на новую политику — или антиполитику?

В то время как экономический кризис начал оказывать негативное воздействие на Словению, несколько последних правительств, левоцентристов или правых, соревновались в обновлении неолиберальной повестки, а «рекомендации» из-за границы, от ЕЦБ, Еврокомиссии и МВФ, требовали все большей экономии и приватизации всего социального аппарата воспроизводства. Меры жесткой экономии, принятые в 2012–2013 годах, включали в себя приватизацию банков (манипуляции с государственным референдумом по поводу назначения «плохого банка» ответственным за операции с невыплаченными кредитами) (см.: Žižek 2013); создание специальных экспертных ин-

¹⁹ Грац — австрийский город, расположенный недалеко от Марибора. Многие жители словенского города ежедневно ездят в Грац на работу и др.

²⁰ Есть несколько исключений. Например, Urban Furrows (Urbane Brazde).

ституты, продающих домашний капитал (то, что очевидным образом прибыльно) иностранным фирмам-инвесторам; массивные сокращения и расторжение коллективных соглашений во всех социальных секторах, а также резкое сокращение затрат в социальном бюджете (бюджет на исследования и университеты сократился на 10–20 %; сокращение расходов на культуру составило в ряде сфер 50 %; некоторые группы пенсионеров получают лишь 250 евро в месяц при том, что цены на продукты потребления стабильно растут).

Короче говоря, жесткая экономия (*austerity*) стала важнейшим инструментом для интенсификации эксплуатации и штампом официального одобрения общего процесса пауперизации. Экономия принимается исключительно для уменьшения социальной регуляции капитала. Это означает, что кризис оплачивается из кармана населения (например, государственная помощь частным банкам, испытывающим экономические трудности). В этой самой по себе непростой ситуации в Словении продолжает расти уровень безработицы (13 % по данным Евростата²¹ в конце 2012 года, при том, что рост продолжился и в 2013). Рост безработицы среди молодежи оказался самым высоким в Европе: ее уровень повысился с 15 до 25% в последние месяцы 2012 года и продолжает стабильно расти в 2013 году. Помимо этого, экономика в стагнации, ВВП упал, и прогнозы на текущий и следующий год пессимистичны.

Апатия уже давно и часто является типичной формой выражения отношения граждан к структурным проблемам, испытываемым регионом Марибор. В условиях несработавшего культурного «приукрашивания», а также экономического разорения (банкротство малых предприятий, пуск собственности с молотка), местный муниципалитет во главе с тогдашним мэром Францем Канглером установили сотни радаров, измеряющих скорость автомобилей. Борис Везьяк утверждает, что штрафы получили «более 20000 человек в городе с населением в 100000 человек. У многих сложилось впечатление, что власти специально нацелились на получение средств из бюджетов домохозяйств»²². Ощущение очевидной несправедливости набрало критическую массу, когда вскрылась информация о предприятии, установившем радары; оказалось, что это частная компания, прибыль от деятельности которой шла в пользу мэра и его партнеров²³.

²¹ См: Euro area unemployment rate at 11,6 %, 31 октября, 2012. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31102012-BP/EN/3-31102012-BP-EN.PDF.

²² См.: Boris Vezjak «Slovenia's uprising», *Eurozine*, 10 января, 2013. <http://www.eurozine.com/articles/2013-01-10-vezjak-en.html>.

²³ Новый мэр Андрей Фистравец попытался отменить контракт, но компания подала на муниципалитет в суд, и сага с радаром продолжается...

Мэр неоднократно в последние годы подозревался в коррумпированности в связи с несколькими скандалами, однако судебных последствий ни разу не последовало. Народ был возмущен: поначалу небольшая группа граждан устроила протест перед муниципалитетом, затем были опубликованы несколько критических статей, ничего более серьезного. В последующие же недели тысячи человек вышли на улицы. Такая непредсказуемая природа событий — нечто крайне характерное для политики диссенсуса и разрыва (*politics of dissensus and rupture*)²⁴: во-первых, случайный характер, типичный для политики разрыва, означает, что ее невозможно заранее ожидать, и, во-вторых, что политика разрыва не может быть сведена к объективным условиям сложившейся ситуации или объяснена при помощи экономической аргументации. Если мы решим воспользоваться исключительно экономическим анализом ситуации, то мы увидим, что ряд моментов в начале 1990-х — или в другие периоды — были еще хуже в плане статистических индексов. Но в противовес ожиданиям или желаниям, ни массовая политика, ни протесты не имели тогда места.

Установка радаров может на первый взгляд показаться тривиальным событием, но она оказалась той симптоматичной точкой, в которой *субъективизировались объективные условия бедности*²⁵. Именно в этот момент большая часть граждан ощутила, что «прогноло что-то в Датском королевстве», и начались призывы к решительному субъективному действию против объективных условий. Крупнейшее событие координировалось жителями Марибора через социальную сеть Фейсбук. В последние недели ноября и в начале декабря главная площадь была заполнена тысячами людей. 26 ноября 2011 года более 15 тысяч человек собрались на площади и потребовали отставки как коррумпированного мэра, так и местного муниципалитета. Акция началась мирно, соединив абсолютно разных граждан и представителей разнообразных групп, при этом некоторые пришли с детьми. Однако акция была жестко подавлена полицией с использованием дубинок, большого количества слезоточивого газа и других репрессивных методов. Это вызвало агрессивную реакцию со стороны некоторых групп молодежи, которые начали атаковать

²⁴ Я полагаюсь на концепцию политики, развитую Жаком Рансьером в книге «Disagreement» (1999).

²⁵ Славой Жижек (Žižek 2000) в ряде случаев говорил об этом моменте в контексте гегельянской «конкретной универсальности» и политической субъективизации, что также оказывается задействованным в стратегическом моменте превращения «класса-в-себе» в «класс-для-себя», в рамках марксистской политической теории.

здание муниципалитета, поджигать урны и файеры²⁶. Фотографии разгона обошли всю страну, вызвав всеобщий гнев, усугубляемый еще и тем, что со стороны политиков поступили крайне циничные отзывы. С этого момента был смысл говорить уже о восстании (*vstaja*). Репортажи в СМИ, критически освещавшие эти события, помогли создать критическую публичную сферу. То, что началось, как изолированная искра в конце ноября 2012 года в Мариборе²⁷, распространилось и на другие города и через несколько недель вылилось в кульминацию — «всесловенское восстание» в Любляне, сопровождавшееся беспрецедентными массовыми протестами по всей стране²⁸. Изображение массовых беспорядков, разбитых окон и витрин, слезоточивого газа и полицейской агрессии подтверждали, что творящееся на улицах насилие также является беспрецедентным. Даже в конце 1980-х массовые протесты прошли практически без какого-либо насилия. В этот раз ситуация была более взрывоопасной.

В 2012 году словенский правящий класс столкнулся с первым крупным спонтанным массовым бунтом со времен обретения независимости. Несомненно, не следует забывать о множестве других массовых протестов, имевших место в разные моменты в течение последнего десятилетия. Однако эти протесты были организованы — в словенском случае — установившимися институтами, в особенности профсоюзами и движением альтерглобалистов. Большинство профсоюзов объединились против повторяющихся попыток правительства либо расширить приватизацию социального государства и внести изменения в трудовой кодекс, либо ввести единую шкалу налога (*flat tax*) (2004)²⁹. Всеобщие забастовки не означали, что люди просто оставались дома и не работали — они превратились в организованные массовые протесты с десятками тысяч участников. Как минимум на время им удалось отложить приватизацию и введение мер жесткой экономии, предлагаемых правительством. Разворачивалось организованное политическое действие, внесшее лепту в отстаивание независимости профсоюзов от государства, однако оно в целом осталось на консервативной позиции и стремилось

²⁶ Полиция произвела множество арестов, и некоторые представители молодежи получили штрафы и тюремные сроки.

²⁷ В Интернете доступно большое количество видеоматериалов с беспорядков, последовавших за мирными протестами 26 ноября 2012 года. Напр.: *mbhcReport*, «3. MARIBORSKA VSTAJA // RIOTS IN MARIBOR — MBHC Report», 3 декабря, 2012. <http://www.youtube.com/watch?v=2nqvKl9RuaY>.

²⁸ Хороший видеорепортаж: Dejan Pogačnik «1. Vseslovenska Ljudska Vstaja 21.12.2012», 22 декабря, 2012. <http://www.youtube.com/watch?v=UTU1I6UUqVA>.

²⁹ По поводу релевантности профсоюзов для переосмысления альтернативной политики см. работу Растко Мочника и Лукича (Močnik, Lukič 2011).

защитить то, что уже разрушалось (социальное государство всеобщего благосостояния, промышленные трудовые силы) и продолжило заигрывать с политическим пространством либерального государства и его организованных политических аппаратов. В ситуации, сложившейся в конце 2012, года профсоюзы и другие политические партии оказались, сами того не ожидая, и потому многие из них никоим образом не прокомментировали ситуацию. Получилось так, как будто крупнейшие города стали свидетелями подлинного демократического взрыва, начавшегося в низах и не имевшего под собой жесткой политической платформы. Лишь за несколько месяцев до этих событий Словения казалась относительно стабильной демократией на Балканах, успешным новым членом Евросоюза и Еврозоны, но теперь народ словно проснулся от сказочной грезы транзита и обнаружил вокруг себя настоящую социальную катастрофу (Tomšič 2012).

Теоретическая заметка о политической субъективности: от Народа к избыточному населению, отвечающему на капиталистический кризис

Вместо использования официальных и формальных каналов или стратегий доминантных установившихся институтов (петиций, групп давления, партий, профсоюзов, гражданских инициатив), восстания вызвали жесткий диссенсус, в терминах Рансьера, «несогласие» в самом сердце общества и его «полицейском» порядке. Восстание не было заинтересовано в достижении компромисса с политическим классом, а запустило всестороннюю критику демократии переходного периода, нацеленную в самое сердце либерально-демократической базы (капиталистического) государства и репрезентирующих его аппаратов. Мы утверждаем, что главная идея политики восстаний бросила радикальный вызов самому значению слова «демократия» и могла бы рассматриваться в свете написанного Рансьером:

Для начала, демократия — это не форма государства. В первую очередь это реальность такой власти народа, которая никогда не может сосуществовать с формой государства. Всегда будет существовать напряжение между демократией как практикой разделенной между людьми власти мысли и действия, и государства, чей главный принцип — захват этой власти³⁰.

³⁰ Взято из интервью: Jacques Rancière Interview: «Democracy is not, to begin with, a form of State», 21 января, 2012. <http://hiredknives.wordpress.com/2012/01/21/jacques-ranciere-interview-democracy-is-not-t/>.

То, что ранее признавалось и утверждалось как «разделение чувственного», характерное для либеральной демократии, с ее логикой подсчета голосов и частей общества с целью управления населением и с принятием капиталистической формы подчинения (subsumption), теперь было потревожено политической силой социального восстания. Государственные аппараты совершили попытку криминализации тех, кто участвовал в восстании, попытку обвинения их в заговоре по возвращению коммунизма. Однако все последующие циничные замечания только усилили движение. Те, кто находился на улицах, отказывался поддаваться формальной интерpellляции в граждан-субъектов, ожидающих каждые четыре года выполнения ритуала по выбору того, что уже и так было выбрано, а также голосования за тех людей, которые как раз несут часть ответственности за сложившуюся ситуацию. Они участвовали в политическом процессе, соединившем множество людей, у которых в принципе отсутствовал какой-либо политический опыт. В планах социальной структуры этот процесс задействовал множество разнообразных социальных групп и индивидов с разными политическими аффилиациями, принадлежащих разным поколениям: молодых и пожилых, рабочих и студентов, ЛГБТ активистов, феминисток, ветеранов, рабочего прекариата, экологов, анархистов и социалистов. Картина значительно отличалась от той, что наблюдалась в 1988 году, когда подавляющее большинство протестующих относились к категории промышленных рабочих. Но в 2012 году, несмотря на различия и гетерогенность массовых восстаний, народ был объединен вокруг политических слоганов «Довольно!», «С ним/с ними покончено!» [Gotov je! Gotovi so!] “Воры!” [Лорови!]. Эти утверждения передают центральный парадокс восстания, разделяемый многими недавними движениями на периферии. С одной стороны, можно было с уверенностью заявить, что эти восстания — самые массовые политические события, случившиеся на периферии с 1980-х. При этом, с другой стороны, необходимо, принять во внимание очень сильный «антиполитический» момент, который может быть распознан в призывах, желаниях, интерпретациях, исходящих от многих участников протестов⁵¹.

Отвержение коррумпированных индивидов и целого политического класса могло означать «побег», отказ или движение от доминантного полицейского порядка, что очень часто подчеркивает желание протестующих занимать «ангельскую» позицию, находясь в которой они не желают «марать руки» политикой. В более редких

⁵¹ Об антиполитических течениях в протестном движении см. статью Марии Иванчевой о болгарских протестах и статью Артемия Магуна о российских протестах в этом же номере.

случаях данная радикальная позиция функционирует более продуктивным образом как отправная точка для более систематической критики политической репрезентации и репродуктивного механизма целого политического класса, имплицированного во всем процессе перехода. Пока слышались требования о свержении и отставке всех лидирующих политических фигур, а функционирование всех установившихся (демократических) институтов ставилось под вопрос, несогласие росло все быстрее с каждой последующей акцией протеста. При помощи данного бескомпромиссного политического акта был запущен процесс демократического создания «народа».

Политическое понятие «народ» не должно определяться как гомогенное большинство вовлеченных, тех, кто пришел к единогласному консенсусу по поводу политических требований. Скорее, мы воспринимаем это понятие как *demos* в рансьеровском смысле, т. е. как политическую фигуру диссенсуса, тех, кто исключен, невидим, эксплуатируем, кто стремится отнять политику у экспертов, профессиональных политиков и лидеров общественного мнения. Со своим собственным опытом действий и мышления они не только отвергли «полицейский» порядок, но и начали формулировать разнообразные требования. В этом смысле внутренние разногласия и различия являются основополагающей отличительной чертой «народа». Народ, в этом смысле, не может не сохранить свою гетерогенность и составляет «частичную политически сконструированную универсальность» (Laclau 2005: 240). Народ как политическая категория и практическая сущность формируется только через борьбу, полную противоречий и разрывов, как с властью имущими, так и внутри социального восстания как такового. Легко заметить, как разнообразны и как порой несовместимы позиции протестующих: от либерального морализма («нам нужны новые хорошие люди, поддерживающие верховенство закона») ³² и национализма («ради лучшей Словении мы должны продвигать честных словенцев; политики предали национальную идею») до сильных тенденций поддержки социальной трансформации (тре-

³² Моралистская критика была крайне популярна уже и среди участников движения Оккупай (Оссуру), где все контуры капиталистического кризиса были сведены к противостоянию 1 % остальным 99 % и где только финансовые представители (в том случае — банкиры, в случае социальных восстаний — политики), которые рассматривались как главные коррупционеры, источники всего зла. Некоторые интерпретации указывали на незаконченность революции 1989 года, которая теперь (якобы) вылилась в отсталую восточноевропейскую ментальность и отсутствие политической культуры и демократических институтов. Данный аргумент представляет смесь ориентализма и теории заговора и успешно хранит слепоту по отношению к более структурной природе общественных отношений и к функционированию логики капитала.

бования демократического социализма, анархистские лозунги, требующие внесения изменений в повседневность).

Это разнообразие, с одной стороны, помогло объединить людей в борьбе против политического класса, но с другой стороны дало возможность осмыслить более глубинный структурный кризис современности: кризис глобальной и — более конкретно — европейской капиталистической системы и периферийной роли, занимаемой в этой системе Словенией. Помимо негативных призывов против коррупции правительственных и других чиновников, и в особенности мэра Марибора Франца Канглера и премьер-министра Янеза Янсы, участники восстания организовали альтернативную программу и деятельность через серию перформансов, культурных событий и новых народных советов, комитетов и инициатив, которые всерьез занялись поиском новой возможной демократической платформы. Сюда относится и Комитет Прямой Демократии, Координационный Комитет Культурной Словении, Генеральная Ассамблея Всесловенского Восстания, а также Протестиваль.

Краткая заметка о политической идее народа

Но является ли концепция «народ» до сих пор адекватной и действенной для описания новых восстаний и трансформации горизонта? Не следует ли нам говорить о движениях, массах или даже формировании нового пролетариата? В истории радикальной политической мысли концепция «народ» небезосновательно рассматривается с некоторым скептицизмом. Некоторые марксисты и критические теоретики заявляют, что оно симптоматично для постсоциалистического состояния³⁵, когда вместо категории класса (или масс) привилегированного отношения удаляется эта намного менее прозрачная, более размытая категория, смягчающая и даже скрывающая классовые противоречия. Более того, «народ» не может быть так просто отделен от наследия эпохи Просвещения, что переносит нас в самую середину теории общественного договора и доставшейся нам исторически идеологической легитимности буржуазной борьбы и включения третьего сословия в современный политический аппарат. Карл Маркс четко описал, что поворотный момент должен быть проанализирован с большой долей критической наблюдательности: буржуазная революция случается в тот момент, когда буржуазия перестает быть органичным элементом общества, лишь одним из трех сословий (*Stände*), а становится классом (*Klasse*),

³⁵ Отличное исследование теоретической трансформации марксизма в пост-марксизм в югославской ситуации 1980-х было проведено Озреном Пуповцем (Pupovac 2008).

который представляет, как минимум символически, интересы всего общества, а не только свои (Маркс, Энгельс 1985). Неважно, каковы теоретические тонкости теорий общественного договора, — я упрощаю их с целью экономии времени — теоретическая матрица перехода от естественного состояния до политического государства по версии Руссо всегда заранее соединяет «общую волю»³⁴ «народа» с предполагаемой сущностью государства, позиционируемого как «случившийся факт»³⁵. Ловушка народного суверенитета лежит в самом сердце традиции общественного договора³⁶. Не в народном, а в государственном суверенитете — главная цель политического процесса. Такой тип политической философии подсоединил бы политику, подобно альтюссеровскому Макиавелли, либо к морали и божественному провидению, либо к общественному договору, юридическому или общественному государству, а также к гражданской религии. Иными словами, такой тип аргументации оказывается ограничивающим для рассмотрения новизны и раскола в политике. Последние скорее отталкиваются от «fait à accomplir», от все еще не свершившегося факта. Как утверждает критическая и марксистская теория, теории общественного договора и государства являются архиврагами Народа как политической категории. «Народ» оживает только тогда, когда отрекается от существующей кодификации в рамках парламентской демократии (юридической), отличая себя от эмпирического большинства (статистически подсчитанного) или национальной «субстанции», соединяющей нацию и народ³⁷. Поли-

³⁴ Самая актуальная защита «Общей воли», выполненная в традиции Алена Бадью, была проделана Питером Холлуордом (Hallward 2012).

³⁵ Объемное исследование Гоббса и в особенности Руссо, проведенное Альтюссером, показывает, в чем заключается теоретическое несоответствие в идее перехода от природы к обществу (агент и конечный результат уже прописаны как свершившийся факт). Иными словами, по мнению Альтюссера, процесс политической трансформации и новизна полностью игнорируются Руссо (Альтюссер 2005). Очевидно, если бы мы не прочитали посмертно опубликованные текста Альтюссера о Макиавелли (Althusser 1999), мы бы могли использовать тот же самый аргумент против самого Альтюссера. Прочтение Руссо у Холлуорда, например, намного более сочувственно относится к использованию Руссо в коммунистической традиции (Hallward 2012).

³⁶ Наиболее красноречивую критику этой модели и ее радикализации в чрезвычайном положении см. «Номо Сасер» Агамбена (2011); с очень отличающейся, более аффирмативной точки зрения, но с «народом» или «множеством» в качестве отправной точки см. Негри о защите «учредительной власти» против «отчужденной» (Negri 1999).

³⁷ См. также работу Балибара (Balibar 2002). Это не значит, что парламент не может стать пространством демократической, радикальной или даже револю-

тика демоса, таким образом, привносит разлом в самое сердце значения и функционирования существующего порядка и позиционирует себя как постоянная угроза порядку. В этом отношении концепция народа все еще может быть защищена, особенно в свете таких множественных ориентаций и тенденций в рамках нынешних восстаний, которые никак не могут быть определены как формирование нового класса или как временное общественное беспокойство. Для любого человека из пост-югославской конъюнктуры важно также мобилизовать забытый исторический и теоретический материал, который был ранее посвящен понятию «народа». Благодаря семантической поливалентности в словенском контексте³⁸, «народ» глубоко связан с революционным опытом народной освободительной борьбы/национально-освободительной борьбы во времена Второй мировой войны. Мобилизация исторических ресурсов является частью современного альтернативного партизанского возрождения³⁹, критиковавшего и анти-тоталитарную демонизацию прошлого, и ностальгическую защиту и реабилитацию партизанской борьбы как формы словенской государственности. В противовес ностальгическому возвращению к партизанской борьбе как к части словенско-

ционной политики, однако установившиеся правящие партии по большей части дискредитировали себя, и это общественное недоверие, низкий уровень уверенности в парламентских институтах является острой проблемой для большинства европейских стран. По мере «экстернализации» политического суверенитета в пользу Европейской Комиссии, Европейского Центрального Банка, Международного Валютного Фонда, чувство отчужденности от любого вида ображаемого сообщества только усугубляется среди большинства граждан.

³⁸ В словенском языке существуют разные слова для обозначения народа (*ljudstvo*) и нации (*narod*), хотя термин «*narod*» иногда используется в обоих случаях в зависимости от ситуации. О специфике развития терминов «нация» и «национальность» в данном контексте пишет Банац (Banac 1984: 23–27). Он защищает тезис о том, что если национализм является современным феноменом, это не означает, что определенные национальные аффилиации и сознание не существовали ранее конца XIX века. Однако этот тезис представляет националистическую идеологию как некую вневременную внеисторическую формацию. Хорошее определение национальности есть у Карда Дойча: народ на пути к достижению политической, экономической и культурной автономии (Deutsch 1996). В течение Второй мировой войны разные термины использовались в партизанской борьбе, помимо французской версии «нации» (*nacija*), от которой отказались из-за негативного унитаристского подтекста, проистекающего из времен королевства Югославии («интегративный югославизм»).

³⁹ Самое важное 600-страничное исследование статуса партизанского искусства вышло из-под пера Миклавжа Комеля (Komelj 2009) и является ключевым также и в плане понимания глубокого разрыва, произошедшего в сфере культуры.

го государственного суверенитета, ключевым вопросом народной освободительной борьбы является то, что она состояла из антифашистской солидарной борьбы и среди разных югославских, и неюгославских наций; также с уверенностью можно утверждать, что она должна рассматриваться как социальная революция, закончившаяся основанием новой федеративной политической единицы с социалистической платформой. Стоит заметить, что в послевоенные годы понятие «народ» приобрело политический оттенок и упоминалось в основном в форме «рабочий народ», функционировавшей как альтернативный синтез класса и национальности во времена социалистической Югославии.

Защита «народа» как стратегической линзы для понимания социального восстания состоит, таким образом, как из политико-теоретических, так и из исторических ресурсов. Этот тип распознавания необязательно противоречит более экономически обоснованному анализу, являющемуся необходимой, но недостаточной рамкой для понимания новизны восстания. Теперь главное — соединить концепцию «народа» с рамкой, связывающей ее со специфическим пересечением других категорий, таких как класс, гендер и раса, как провозгласили десятилетия назад Балибар и Валлерстайн (Balibar, Wallerstein 1991). Интерсекциональность становится намного очевиднее и понятнее во времена кризиса; разнообразные сложности и темпоральности неравномерного капиталистического развития указывают на единый характер капитала и его противоречий (падающая норма прибыли, спекулятивная волатильность). То, что казалось фрагментированным и невидимым, даже растворившиеся связи рабочего класса, переплавляемого в коллектив работников (в том числе работающих на самих себя) с разнообразными рабочими договорами и условиями, теперь все более и более приводит к одинаковым затруднениям для всех: лишение собственности, приватизация, усиливающаяся эксплуатация, и главным образом безработица, т. е. все то, что сделало лишними миллионы людей по всей Европе. Аргумент Маркса об «избыточном населении» кажется более убедительным, чем когда-либо; вместо промышленной (индустриальной) резервной армии труда, мы с уверенностью можем говорить о «деиндустриализированной резервной армии», постоянно растущей части населения, которая никогда не вступит в рабочие отношения, а еще менее вероятно — вернется в промышленное производство. Если бы это движение капитала было экономической необходимостью, то все, что мы видим сейчас в реальности, было бы спонтанным ответом, индивидуальной стратегией выживания. Но существование разнообразных политических восстаний в последние годы скорее указывает на политическую артикуляцию со стороны тех, кто подвергся пауперизации. Пресловутые «средние классы» начали «нисхождение», превратившись в рабочий класс и люмпенпролетариат.

Очевидно, что политическая артикуляция новых народных политических форм (народных собраний) с классовым антагонизмом и дальнейшей организацией радикально отличается в различных странах, принадлежащих к периферии. Определенно, есть несколько общих политических маркеров восстаний: во-первых, элемент массовости, во-вторых, «антиполитический» момент, заключающийся в отрицании всей официальной политики и всех партий. Конъюнктурный анализ показал бы, что некоторые движения в большей степени склонны к правому популизму, особенно те, что связаны с сильной антикоммунистической традицией (на востоке)⁴⁰, в то время как другие в целом более открыты левой альтернативе. Однако ничто не решено окончательно на настоящий момент. Вопрос скорее заключается в следующем: смогут ли новые группы и движения — и если да, то в какой степени — продолжить строить новые организационные формы и аффирмативные политические платформы, которые, в грамшистском понимании, расширяют массовую интеллектуальность и политические формы в новом гегемонном блоке⁴¹? Как настоять на развитии новых народных институтов в свете полного неведения со стороны местных правительств и европейских лидеров? На многие из этих политико-теоретических вопросов, выстраивающихся вокруг народа, масс, (суб-)пролетариата, левой партии, можно ответить (только) при политической работе народа в рамках нового социалистически ориентированного гегемонного блока. Очевидно, даже если на европейской периферии заметны некоторые значительные эмансипаторные моменты, нет гарантии, что политические тенденции внутри народа обязательно пойдут социалистическим путем. Другой полюс известной дилеммы Розы Люксембург (Социализм или Варварство) одновременно проявляется в росте правых популистских движений и праворадикальных партий — как в центре, так и на периферии.

⁴⁰ Очевидно, существует сильный страх, связанный с тем, что Балибар называл «страхом масс» (Balibar 2008). Перед упомянутым статусом испытывают страх как официальный Порядок (the official Order), так и правящий класс, а также антиавторитарные прогрессивисты, которые разумно противятся профашистским элементам масс. Однако вместо того, чтобы стоять на позиции «не пачкать руки политикой», эмансипаторная политика должна также вступить в борьбу, а не бежать с поля боя.

⁴¹ См. комментарии Сотириса о политических экспериментах и левых стратегиях в Греции (Sotiris 2013). Также важно: в какой степени политическая борьба сможет предотвратить стратегии поиска «козла отпущения» (как сверху, так и снизу), направленные на маргинальные группы в обществе (цыгане, иммигранты, мусульмане)?

Зрелость и ограничения массовых протестов в Словении: после свержения

Социальные восстания в Словении продолжились в 2013 году и потребовали дальнейших отставок даже после того, как в отставку подал мэр Марибора. Первые месяцы 2013 года стали катализатором протестов против мер жесткой экономии (austerity). Профсоюзы присоединились к волне протестов и также организовали (23.01.13) массовую всеобщую забастовку, в которой участвовали 20 тысяч рабочих, вышедших на улицы в 14 городах Словении. В марте 2013 года общественное движение значительно окрепло и достигло победы. Центральные политические фигуры и некоторые другие функционеры были вынуждены подать в отставку в марте 2013 года из-за растущего давления. Один из самых ярких случаев — решение Янеза Янши подать в отставку с поста премьер-министра (на смену пришло более мягкое центристское правительство, возглавляемое Аленкой Братушек), в то время как Зорану Янковичу, лидеру партии Позитивная Словения, пришлось подать в отставку с поста президента. Это казалось исторической победой восстания, которое в зимние месяцы и во время действия введенных ранее мер жесткой экономии породило новое чувство солидарности и народной эмансипации. Однако ко времени этой победы новые политические формы еще не были созданы, и поэтому исторического блока с когерентной политической программой, которая могла бы бросить вызов новому правительству и кризису, создано не было. После апреля 2013 года народный энтузиазм и интерес к построению институтов снизу потух. Некоторые отдельные участники протестов призывали к бескомпромиссной борьбе с официальной политикой, в то время как другие утверждали, что необходимо дождаться принятия правительством новых мер и нового политического курса. Новое правительство состояло из старых партий, и хотя оно несколько умерило свой социально-дарвинистский дискурс, общее направление осталось прежним: все меры жесткой экономии и процессы приватизации продолжились. Оказалось, что энергия протестующих была неправильно сконцентрирована на свержении отдельных личностей. Многолетняя одержимость Яншей и боязнь правого авторитарного режима стал одним из главных препятствий на пути настоящей эмансипаторной политики. Когда мэр Марибора Франц Канглер и премьер-министр Янез Янша были свержены и лишены политической власти, большинство движения постепенно лишилось общественного внимания, и только самые вовлеченные группы сохранили активность. Новый политический проект, работающий на основании связи между людьми, движением и (новой) партией, является долгосрочным проектом.

Только совсем недавно самые вовлеченные участники восстания начали открыто выражать более сильные политические цели. Лишь некоторые из участников объявили о своем будущем участии в новой политической альтернативе, но конкретные действия осуществили три агента, а именно Общество справедливости и солидарности, Всесловенское восстание и Сеть прямой демократии, которые в середине декабря 2013 года организовали первый конгресс Партии солидарности, ставящей перед собой цель разобраться с официальной политикой изнутри. Далее, наиболее когерентная и политически радикальная группа сформировала «Инициативу за демократический социализм», которая запустила альтернативную программу развития для Словении и начнет работу над созданием движения-партии. Ближайшее будущее покажет, насколько данные инициативы достигнут успеха в изменении существующих координат политического ландшафта.

Однако, что все-таки уже удалось изменить — это то, что политические стремления, казавшиеся немислимыми или маркировавшиеся как экстремальные еще лишь за несколько месяцев до событий, такие как требования прямой демократии, возможности участия в формировании бюджета, демократического социализма, вышли на передовые позиции в мейнстримных СМИ и в рамках публичных дебатов.

От периферии Марибора к центру: призыв к другой, социальной Европе?

Результаты восстания были наиболее сильны в Мариборе, городе, в котором первая массовая политическая мобилизация произошла через 25 лет после массовых самоорганизованных рабочих демонстраций. Политическая платформа социального восстания в Мариборе основывалась на поддержке двух разных типов политической борьбы. Во-первых, некоторые группы организовали свою поддержку новой программы и независимого мэра. На местных выборах в середине марта победил Андрей Фистравец, независимый интеллектуал и критик существующего положения дел, участвовавший в восстании и присутствовавший на политической арене в течение нескольких лет. Проблемы сохраняются с муниципальным советом, в котором много представителей политических партий истэблишмента. Совет, вне сомнения, замедлит демократизацию политического процесса. Во-вторых, важные демократические инициативы исходили от группы «Инициатива по вопросу горсовета», организовавшей районное и другие коммунальные сообщества. Эти новые демократические платформы являются форумом для обсуждения и потенциального воздействия на муниципальный бюджет

и планирование. Они работают над небольшими проектами, касающимися повседневности, и таким образом вносят значительный вклад в переизобретение традиции самоуправления, как примера *права на город*.

Абсолютно другой вопрос заключается в том, будут ли два аспекта политического процесса — снизу и со стороны институционализированной политики — сотрудничать и вместе изменять положение дел, и на этот вопрос пока что невозможно дать ответа. Однако важно то, что политическая власть как таковая была отнята у тех, кто был замешан в создании нынешнего кризиса, тех, кто внес свою лепту в распространение антиполитических настроений. Протесты ослабили и ностальгию по индустриалистским временам, а также неолиберальный энтузиазм по поводу деиндустриализованного будущего (КСЕ). Марибор попытался выйти из тупика в 1988 году, продемонстрировав *исторический знак* поражения социалистической индустриализации. В 2012 году все взгляды вновь были обращены на Марибор, когда он начал переосмысливать город и проводить кампанию по отстаиванию «права граждан на город». Если в 1988 году Марибор оповестил об упадке социализма, что также означало уничтожение государства всеобщего благоденствия, можно ли сказать, что в этот раз мы наблюдаем падение неолиберализма? Это остается вопросом, задаваемым новым Марибором, но вопрос этот намного больше Марибора. Ясно то, что восстание прорубило окно к новому, другому Марибору, протестующему как против насаждаемой экономии, так и против идеи периферии. Борьба Марибора показывает, каким образом периферия может стать самым центром политически вовлеченной мысли и революционного действия.

Принимая во внимание вышесказанное, необходимо отметить, что словенское восстание — это лишь часть всего многообразия борьбы на периферии ЕС: народная борьба ведется в Греции, Испании, Португалии, Италии, Болгарии, Румынии, а также и за пределами этих границ — в Боснии и Турции. Эта борьба бросает свет на логику, являющуюся основой структурного неравенства в рамках Евросоюза: *периферия восстает и переосмысляет как народную демократию, так и социально ориентированную политику*. Однако, периферия должна отойти от (само)изоляции и ориентировать политические требования на центр: каким образом демократизировать европейские институты и регулировать финансовый капитал? Как сделать более сбалансированными социо-экономические отношения между севером и югом? Ответ на эти вопросы должен быть найден не только на периферии. Эти вопросы должны стать важнейшими для любого из тех, кто желает продолжить коллективный и более социально ориентированный проект Европы.

Несмотря на нашу оговорку по поводу государства (суверенитета), — в теоретической заметке о политической субъективности —

нам необходимо оставаться критически настроенными по отношению к погружению народа в государственный аппарат: детальный анализ показывает, что современный неолиберальный проект в ЕС в действительности нацелен на критику и демонтаж государства. Прямым последствием пакетов жесткой экономии является лишение государства всех политических и социальных аппаратов помимо репрессивного. Государство в новом европейском порядке обладало бы хорошо обученной послушной армией и полицией, и управлялось бы экспертами-технократами. Фиаско закрытия греческих государственных СМИ — другой симптоматичный аспект экспериментов с жесткой экономией. В этом отношении очень важно опираться на народные политические институты под демократическим, прямым или делегированным контролем, даже если это означает как минимум временное усиление определенных элементов государства в противовес экономической политике, диктуемой из сердца ЕС. Более того, локальная борьба периферии должна обязательно быть связана с борьбой за альтернативную Европу.

Перевод с английского Анны Кадниковой

Библиография

- Агамбен, Джорджо (2011). *Номос sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
- Альтюссер, Луи (2005). *Ленин и философия*. М.: Ad Marginem.
- Балибар, Этьен и Иммануил Валлерстайн (2003). *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Logos altera, Ecce homo.
- Магун, Артемий (2014). «Новый Популизм Среднего Класса?». *Статус 1* (2).
- Маркс, Карл (1999). *Kanunal* [1867]. Marxists Internet Archive. http://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/index.htm.
- Маркс, Карл и Фридрих Энгельс (1985). *Немецкая идеология*. В кн.: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, *Избранные сочинения*, в 9 т., т. 2. М.: Политиздат.
- Althusser, Louis (1999). *Machiavelli and Us*. London: Verso.
- Balibar, Étienne (2002). *Politics and other scene*. London: Verso.
- Balibar, Étienne (2008). *Masses, classes, ideas: studies on politics and philosophy before and after Marx*. London: Routledge.
- Balažic, Milan (2004). *Slovenska Demokratična Revolucija*. Ljubljana: Liberalna Akademija.
- Banac, Ivo (1988). *The National Question in Yugoslavia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Deutsch, Karl (1996). *Nationalism and social communication*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bockman, Johana (2011). *Markets in the Name of Socialism: The Left-wing Origins of Neo-liberalism*. Stanford: Stanford University Press.
- Dragović-Sosso, Jasna (2002). *Saviours of the Nation? Serbia's Intellectual Opposition and the Revival of Nationalism*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Fink-Hafner, Danica and Miro Haček (2000). *Demokratični prehodi I*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.

- Hallward, Peter (2012). *Rousseau and political will*. <http://backdoorbroadcasting.net/2012/11/peter-hallward-rousseau-and-political-will/>.
- Ivancheva, Mariya (2013). *The Bulgarian winter of protests*. <http://www.opendemocracy.net/mariya-ivancheva/bulgarian-winter-of-protests>.
- Jalušič, Vlasta (2002). *Kako smo hodile v feministično gimnazijo*. Ljubljana: založba cf.
- Kirn, Gal (2012). *Conceptualization of reproduction and politics in the work of Louis Althusser: case of socialist Yugoslavia*. University of Nova Gorica: dissertation thesis.
- Kirn, Srečo (1982). "Razvoj Nerazvoja: Primer Kosova." *CKZ* 51/52: 53–95 (Ljubljana).
- Komelj, Miklavž (2009). *Kako misliti partizansko umetnost? (How to think partisan art?)* Ljubljana: založba cf./.
- Kuzmanič, Tonči (1988). *Labinski Štrajk*. Ljubljana: KRT.
- Mastnak, Tomaž (1987). "Totalitarizem od spodaj," *Družboslovne razprave* 4 (5): 91–98.
- Laclau, Ernesto (2005). *On populist reason*. London and New York: Verso.
- Lukič Goran and Močnik, Rastko (2009). *Sindikalno gibanje odpira nove poglede*. Ljubljana: ZSSS.
- Magaš, Branka (1993). *The Destruction of Yugoslavia*. London: Verso.
- Mencinger, Jože (1994). "Lastninske iluzije," *Javnost* 1 (1–2): 95–103.
- Močnik, Rastko (1999). *3 teorije: ideologija, nacija, institucija* [3] Theories: Ideology, Nation, Institution]. Ljubljana: Založba/cf.
- Močnik, Rastko (2003). *Social change in the Balkans*, online Eurozine: <http://www.eurozine.com/articles/2003-03-20-mocnik-en.html>.
- Mušič, Goran (2013). *Radnička klasa Srbije u tranziciji 1988–2013*. Belgrade: Rosa Luxemburg Stiftung.
- Negri, Antonio (1999). *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pupovac, Ozren (2008). *Post-Marxism and Post-Socialism*. London: Open University, dissertation thesis.
- Rancière, Jacques (1999). *Disagreement: Politics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Rancière, Jacques (2002). "Peuple ou Multitude. Un entretien avec Eric Alliez." *Multitude* 9: <http://multitudes.samizdat.net/spip.php?article39>.
- Samary, Catherine (1988). *Le marché contre l'autogestion: l'expérience yougoslave*. Paris: Publisud, Montreuil.
- Slavec, Andreja (1992) *Industrija Maribora*. Ljubljana: FF.
- Sotiris, Panagiotis (2013a). *Greece: the struggle over Public Television and Radio (ERT)*. <http://lastingfuture.blogspot.de/2013/06/greece-struggle-over-public-television.html>.
- Sotiris, Panagiotis (2013b). *Greece: Social struggles, political crisis and the challenges for Left Strategy*. <http://lastingfuture.blogspot.de/2013/11/greece-social-struggles-political.html>.
- Tomšič, Samo (2012). *The People Returns: A footnote to protests in Slovenia*. <http://criticallegalthinking.com/2013/01/16/the-people-returns-a-footnote-to-protests-in-slovenia/>

- Wachtel, Andrew (2002). *Making a Nation, Breaking a Nation: Literature and Cultural Politics in Yugoslavia*. Stanford: Stanford University Press.
- Woodward, Susan (1995a). *Balkan Tragedy*. Washington DC: The Brookings Institution.
- Woodward, Susan (1995b). *Socialist Unemployment: The Political Economy of Yugoslavia 1945–9*. Princeton: Princeton UP.
- Zerdin, Ali (1997). *Generali brez kape*. Ljubljana: Založba Krtina.
- Žižek, Slavoj (2000). *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso.
- Žižek, Slavoj (2013). *The west's crisis is one of democracy as much as finance*. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/jan/16/west-crisis-democracy-finance-spirit-dictators>.